

Панаев Иван Иванович

**Очерки из петербургской жизни
Нового поэта**

Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
И17

И17 **Иван Иванович П.**
Очерки из петербургской жизни Нового поэта: Часть 2 / Панаев Иван Иванович – М.:
Книга по Требованию, 2023. – 518 с.

ISBN 978-5-521-27176-4

ISBN 978-5-521-27176-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

и я начинаю невольно лгать и противорѣчить всѣмъ моимъ понятіямъ и убѣжденіямъ.

Бывало, когда мой почетный знакомый удостоивалъ обращаться ко мнѣ и говорилъ:

— Люди, батюшка, вездѣ люди, — злоупотребленія вы найдете повсюду, и во Франціи, и въ Англіи, и во всѣмъ свѣтѣ, въ семьѣ не безъ уroda. Это дѣло извѣстное. И только люди безпокойные, опасные, злонамѣренные, враги отечества могутъ кричать, что будто у насъ только подкупы, взятки, обманы, или что нибудь въ родѣ этого.... Если бы и дѣйствительно это было, такъ истинный сынъ отечества долженъ это скрывать и тайно скорбѣть объ этомъ, а не кричать во всеуслышаніе; но этого нѣтъ, я могу сказать положительно.

Я всегда отвѣчалъ на такія рѣчи:

— Это совершенно справедливо, ваше превосходительство, я вполнѣ раздѣляю вашъ образъ мыслей....

И при этомъ еще останавливалъ вкрадчивый и благонамѣренный взглядъ на его превосходительство.

Я совершенно соглашался съ нимъ во всемъ: — въ томъ, что мы умнѣе, сильнѣе, счастливѣе и добродѣтельнѣе всѣхъ народовъ — французовъ, англичанъ, нѣмцевъ, шведовъ, и другихъ, что они существуютъ на земномъ шарѣ только по нашей милости, что славны бубны только за горами, а что въ сущности за границей все дурно, что тамъ даже булокъ печь не умѣютъ и вина нельзя достать порядочнаго, потому что все лучшее вино отсымаютъ къ намъ въ Россію...

Втеченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ я хотя и имѣлъ честь нерѣдко встрѣчаться съ его превосходитель-

ствомъ, но мнѣ не удавалось вступать съ нимъ въ разговоръ объ этихъ возвышенныхъ предметахъ.

15 іюля я отправился къ нему на дачу въ Петергофъ. Генералъ принялъ меня очень благосклонно и оставилъ меня обѣдать. Генеральша съ свойственною ей любезностью упрекнула меня на французскомъ языкѣ за то, что я долго не былъ у нихъ.... Меня всегда приводилъ въ восхищеніе семейный бытъ генерала. Глядя на него, на его супругу и на ихъ дочерей (сыновей у него нѣтъ, а дочери всѣ пристроены за людей чиновныхъ и благонамѣренныхъ), я всегда думалъ: «Вотъ гдѣ истинное семейное счастье!» Генералъ смотрѣлъ на генеральшу съ такою нѣжностію, какъ будто вчера только соединился съ ней узами брака, даже увивался около нее, называлъ ее уменьшительными именами, неимѣющими опредѣленнаго смысла, но тѣмъ болѣе нѣжно звучащими. Генеральша иногда трепала его по щекѣ и называла выразительно *môn vieux* (она моложе его двумя или тремя годами), при чемъ генералъ всегда улыбался, какъ будто принимая это названіе за шутку, а дочери безпрестанно цаловали ручки у папеньки и у маменьки.... Въ будуарѣ генеральши висѣлъ портретъ генерала, рисованный масляными красками, въ полномъ мундирѣ, со всѣми украшеніями; въ кабинетѣ генерала висѣлъ портретъ генеральши — декольте, и также масляными красками, и акварельные портреты дочерей.... У меня всегда выступали слезы на глазахъ при этой семейной картинѣ, и я продолжалъ думать, глядя на генерала: «Не всякому въ жизни дается такое счастье! Чего

не достаетъ ему?... Чины, званіе, ордена, почетъ, состояніе, увеличивающееся съ каждымъ годомъ, любовь жены, любовь дѣтей... зятя почтительные и съ карьерой. Богъ всѣмъ благословилъ его! Пусть люди, невѣрующіе въ семейное счастье, взглянуть на него!» И я до сихъ поръ продолжаю думать такъ, не смотря на то, что проживающая у нихъ въ домѣ моя старая знакомая, Анна Григорьевна, еще носившая меня на рукахъ въ дѣтствѣ, вдова чиновника, имѣющая 5,000 р. сер. капиталу, который она отдаетъ въ проценты, увѣряетъ, что генералъ ни сколько не любитъ генеральши, а только боится ее, что у него есть какая-то *Аглада* Ивановна, къ которой онъ ѣздитъ всякій божій день, что ей неоднократно подтверждалъ генеральскій кучеръ Игнатій, которому генералъ сверхъ жалованья даетъ 15 р. въ мѣсяцъ, и котораго генеральша ненавидитъ; что ужъ нечего таить и за генеральшей-то грѣшки водятся, но такъ какъ она облагодѣтельствована ими и живетъ у нихъ въ домѣ, то ужъ объ этомъ она говорить не хочетъ; что генеральша вытолкнула дочерей изъ дому при первой возможности за какихъ-то полуотжившихъ господъ съ деньгами, для того, чтобы быть свободнѣе въ домѣ, и надула зтей, отдавъ за дочерьми по нѣскольку сотъ душъ, которыя она заложила передъ самой свадьбой, и что въ генеральскомъ домѣ иногда такія сцены происходятъ, что хоть изъ дому бѣжать.... и прочее, и прочее.

Вѣрить сплетнямъ и клеветамъ какойнибудь проживалки было бы совершенно непростительно съ моей стороны, тѣмъ болѣе, что когда генералъ го-

ворить о святости семейныхъ узъ и о блаженствѣ семейной жизни, пересыпая эти рѣчи нравственными сентенціями, а это одна изъ любимыхъ темъ его разговора, — я бываю всякій разъ тронуть до глубины души. Онъ говоритъ съ такимъ убѣжденіемъ и такъ горячо, что подозрѣвать существованіе *Алмиды* Ивановны и плату кучеру Игнатію 15 р. въ мѣсяцъ сверхъ жалованья — верхъ безумія. Анна Григорьевна ставитъ въ преступленіе генеральшѣ, что она отдала за дочерьми заложенные души (и это дѣйствительно такъ), но какое же тутъ преступленіе? Она обѣщала за каждой дочерью дать триста душъ и дала ровно по триста. Она не говорила, какія это души, заложенные или незаложенныя, слѣдовательно она имѣла полное право заложить ихъ и воспользоваться деньгами тѣмъ болѣе, что зятья ея имѣютъ свое состояніе. А то, что она отдала дочерей своихъ замужъ насильно, почти вытолкала ихъ изъ дома — не имѣетъ никакого вѣроятія, потому что генеральша получила прекрасное воспитаніе, имѣетъ самые изящные манеры, чувствительное сердце, и такъ хорошо говоритъ объ обязанностяхъ матери, что, кажется, вѣкъ слушалъ бы ее.... Конечно и въ дворянскомъ сословіи, которое у насъ считается преимущественно образованнымъ, встрѣчаются не совсѣмъ удачныя маменьки. Я зналъ такую, которая каждой изъ своихъ дочерей (а у нея было, кажется, пять), послѣ выпуска изъ института, говорила: «Ну вотъ я тебѣ даю полгода сроку, полгода ты можешь жить дома, а послѣ полгода какъ хочешь — изъ дому вонъ; отыщи, какъ знаешь

себѣ жениха, я въ это дѣло не мѣшаюсь, только чтобы женихъ былъ солидный, хорошій, чтобы деньги имѣлъ, а не какой нибудь голый и пустой мальчишка. Славу Богу, ты хорошенькая, понравиться сейчасъ можешь, надо, разумѣется, употребить кокетство, чтобы замечъ человѣка, — ты это должна знать, ты получила воспитаніе, — вѣдь ты стоишь намъ порядочныхъ денегъ... ну, словомъ, сама, какъ знаешь, и обработай это, а только ужъ послѣ полугода дома не оставаться...» И дѣйствительно, болѣе полугода ни одна изъ дочерей ея не оставалась дома: двѣ прежде полугода умерли въ чахоткѣ, а три вышли замужъ и одна даже очень счастлива... Но такого рода маменьки не могутъ быть сравниваемы съ генеральшей, съ супругой моего почетнаго знакомаго....

Однако я безпрестанно увлекаюсь эпизодами и теряю нить разсказа.... Я остановился на томъ, что 15 іюля, на дачѣ въ Петергофѣ, я обѣдалъ у генерала.... Обѣдъ былъ прекрасный, вина отличныя. За обѣдомъ были все почетныя лица, исключая меня; у одного сіяніе съ праваго бока, у другаго съ лѣваго.... блескъ страшный, преобладаніе краснаго цвѣта.... Извѣстно, что красный цвѣтъ у насъ имѣетъ совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ въ Европѣ.... Чтобы обратить на себя лестное вниманіе такого блестящаго общества и заслужить его расположеніе, я, по поводу превосходныхъ жареныхъ грибовъ, вовсе не употребляемыхъ въ пищу за границей, началъ изумляться варварству Западной Европы....

— Вообразите, ваше превосходительство (я обратился къ хозяину дома и обвелъ всѣхъ гостей съ

почтительною и пріятною улыбкою), вообразите, воскликнулъ я съ жаромъ и негодованіемъ: — въ Германіи и во Франціи, и вездѣ за границей даже бѣлые грибы—эти, такъ сказать, перлы изъ грибовъ, считаются ядовитыми. Это совершенное невѣжество, варварство!! И послѣ этого они еще осмѣливаются называть насъ варварами, насъ, которые лакомятся грибами и сѣдаютъ безвредно цѣлыя сковороды въ сухаряхъ, въ сметанѣ, въ сливочномъ маслѣ!! и проч.

Отъ грибовъ я перешелъ тотчасъ же къ предметамъ болѣе возвышеннымъ, и началъ доказывать преимущества наши во всѣхъ отношеніяхъ передъ иностранцами. Я особенно не щадилъ Англіи, лорда Пальмерстона и всѣхъ англійскихъ парламентскихъ крикуновъ...

— Можно ли ожидать чего нибудь порядочнаго отъ государства, которое управляется такими людьми? воскликнулъ я съ сверкающими глазами: — отъ государства, въ которомъ законодатели, не только въ Нижней, но даже въ Верхней Камерѣ, сидятъ какъ въ тавернѣ, забывая всякое приличіе и чувство собственного достоинства, въ сюртукахъ, въ пальто и съ шляпами на головахъ, и запиваютъ грогомъ свои рѣчи?...

Я говорилъ хорошо и долго, съ большой энергіей, и былъ убѣжденъ, что слова мои произведутъ сильное и пріятное впечатлѣніе.

Да не подумаетъ однако мой читатель, что, говоря такъ, я имѣлъ какіе либо корыстные виды... Нѣтъ! Увѣряю честию, я хотѣлъ только угодить моимъ почтеннымъ слушателямъ, руководимый правилами внушенными мнѣ съ дѣтства, что при моемъ маломъ чинѣ, и въ мои лѣта....

....Не должно смѣть
Свое сужденіе имѣть

и противорѣчить старшимъ.

Но каково же было мое изумленіе, когда не только на самого хозяина дома, но и на всѣхъ гостей слова мои произвели очень невыгодное, даже, можно сказать, непріятное впечатлѣніе....

— Помилуйте, что такое это вы говорите? перебилъ меня хозяинъ дома, нахмутивъ брови: — я не защитникъ лорда Пальмерстона; какъ русскій, я его не люблю, но не могу не отдать ему справедливости въ томъ, что онъ дѣйствуетъ какъ истинный сынъ отечества и не упускаетъ ни малѣйшей пользы и выгоды Англіи. Вся наша бѣда въ томъ, что мы слишкомъ заносимся и воображаемъ о себѣ Богъ знаетъ что.... Нѣтъ, намъ еще надо поучиться во многомъ у иностранцевъ; отбросивъ всякую спѣсь, намъ надо стараться открывать наши заблужденія и недостатки, съ искреннимъ желаніемъ искоренить ихъ. Пустое самохвальство и безумная самоувѣренность до добра не доводятъ. Патріотизмъ заключается не въ томъ, чтобы находить себя лучше и совершеннѣе всѣхъ, а чтобы постоянно стремиться къ усовершенствованіямъ и къ улучшенію самихъ себя...

Слова эти, противорѣчившія совершенно тому, что его превосходительство говорилъ четыре года назадъ тому, поразили меня сильно. Я при всемъ уваженіи къ моему почетному знакомому, никакъ не могъ ожидать въ немъ такого быстрого прогресса, и въ такое короткое время, и покраснѣлъ до ушей. Мнѣ былъ несказанно пріятенъ такой переворотъ въ

немъ, и мнѣ стало стыдно за самого себя. Въ эту минуту я убѣдился, что правила, внушенныя мнѣ съ дѣтства, фальшивы и безнравственны, и что говорить противъ себя въ угожденіе другимъ, хотя бы и почетнымъ лицамъ, — не хорошо; что лицемеріе, какъ бы ни было оно искусно скрыто, рано или поздно непременно откроется... Признаться въ томъ, что я лгалъ и лицемерилъ; у меня также не доставало духу; однако, я возразилъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ.

— Я вовсе не хотѣлъ сказать, ваше превосходительство, чтобы въ Англіи не было достойныхъ людей... Сохрани меня Боже отъ этой мысли! Вотъ, на примѣръ, сэръ Робертъ-Пиль — онъ даже можетъ служить образцомъ для государственныхъ людей всѣхъ странъ. Въ немъ чувство гражданственности, государственной доблести и просвѣщеннаго патріотизма проявилось въ высшей степени. Онъ служилъ отечеству, а не личнымъ выгодамъ, не для того, чтобы добиться до почестей ради удовлетворенія собственнаго тщеславія, ради того только, чтобы стать выше другихъ и бросать съ высоты презрительные взгляды на остальное человѣчество... Онъ отказался отъ графства, отъ ордена Подвязки, онъ запретилъ дѣтямъ своимъ, въ завѣщаніи своемъ, принимать какіе нибудь титулы за его собственные заслуги...

— Но, позвольте, перебилъ меня мой почетный знакомый: — это ужъ опять крайность. Почему же не принять награду, если чувствуешь себя достойнымъ ее, если убѣжденъ, что принесъ дѣйствительную выгоду и пользу своему отечеству? Такая излишняя гордость не уместна, — это тоже своего рода

тщеславіе, и притомъ совершенно противное христіанскому духу....

— Конечно, это такъ, замѣтилъ одинъ изъ почетныхъ гостей: — да и опять, какъ же я осмѣлюсь отказаться отъ награды, которой меня удостоиваютъ? Къ тому же люди, вездѣ люди, и для нихъ прежде всего необходимы поощренія: безъ поощреній нельзя. И какъ же отличить наконецъ человѣка заслуженнаго, почетнаго, — отъ простого, обыкновеннаго человѣка: вѣдь на лбу ни у кого не написана заслуга.

— Да объ этомъ и говорить нечего, повторило нѣсколько голосовъ.

— Безъ всякаго сомнѣнія, произнесъ хозяинъ дома съ нѣкоторою торжественностію: — человѣка умнаго, сметливаго, трудолюбиваго, съ образованіемъ, съ благонамѣреннымъ образомъ мыслей нельзя не подвигать впередъ, не поощрять, не награждать, и ничѣмъ не отличать отъ другихъ: это противъ логики, противъ здраваго смысла. Такого человѣка слѣдуетъ возвышать, точно также, какъ неспособнаго, неблагонадежнаго какого нибудь воришку, взяточника, неимѣющаго нравственныхъ правилъ преслѣдовать безпощадно, всякими путями; даже пусть и пасквили печатаютъ противъ такого рода людей, какъ это дѣлаютъ нынче—я не противъ того. Зло и безнравственность надо преслѣдовать всѣми средствами и не скрывать, а обнаруживать его. Въ этомъ случаѣ, гласности бояться нечего.

— Да теперь славно отдѣлываютъ въ журналахъ всѣхъ этихъ исправниковъ, засѣдателей, становыхъ,

замѣтилъ самый молодой изъ гостей, господинъ, про котораго всѣ говорятъ: «У у! да онъ далеко пойдеть!» и съ которымъ по этому всѣ даже почетныя лица обращаются съ уваженіемъ: — всѣмъ мелкимъ уѣзднымъ и губернскимъ приказнымъ достается порядочно, всѣ ихъ штуки выводятся на чистую воду...

— И прекрасно.... и по дѣломъ! возразилъ смѣясь одинъ изъ гостей, занимающій довольно видное мѣсто, пріобрѣтшій, говорятъ, втеченіе десяти лѣтъ, до тысячи душъ крестьянъ, домъ въ Петербургѣ и выстроившій великолѣпную дачу, близъ Лѣснаго Института, удивительный хозяинъ и превосходный семьянинъ: — да только бѣда, что они, каналы, я думаю, ничего не читаютъ... Плутовать-то умѣютъ, а грамоту-то знаютъ плохо, а вотъ имъ поставлять бы въ обязанность читать такого рода вещи....

Я переходилъ отъ изумленія къ изумленію, слушая все это, и едва вѣрилъ ушамъ своимъ. Давно ли всѣ эти господа вопили не только противъ гласности, даже противъ просвѣщенія, называли всѣхъ писателей людьми опасными, врагами общественного порядка, считали чуть не уголовнымъ преступленіемъ всякое скромное замѣчаніе о какомъ нибудь общественномъ предразсудкѣ, злоупотребленіи, или о чемъ нибудь подобномъ? Не всѣ ли они съ негодованіемъ возставали противъ «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ?» и прочее и прочее.... Любопытно было бы, однако, узнать, до какой степени они считаютъ полезною гласность? Что еслибы вдругъ, вмѣсто плутней и мелкихъ взятокъ какихъ нибудь исправниковъ, становыхъ и приказныхъ, обнаружить крупную